

Типизация

Всякий раз, когда речь заходит о типичном в жизни и литературе, возникает представление о явлениях повторяющихся, наиболее распространенных, тех, что в обиходной речи обозначаются для простоты каким-нибудь условным, нередко литературным, именем: Плюшкин, Базаров, Кабаниха, Самгин, Нагульнов, Теркин — или собирательно: маниловщина, обломовщина, глуповцы и т. д. Однако задумается: так ли уж часто нам встречаются в жизни люди, про которых можно сказать: «Вылитый Собакевич!» или: «Точь-в-точь Павка Корчагин!»? Вовсе не часто; пожалуй, даже это редкая удача — усмотреть в окружающей действительности типаж, получивший постоянную прописку в истории литературы; ситуацию, отраженную в сюжете романа, рассказа или басни; поступок, ассоциирующийся с тем или иным персонажем художественного произведения, т. е. типическое в жизни.

Иными словами, возникая как художественно-эстетическое отражение явлений жизни, типическое в литературе (и других видах искусства) несводимо обратно к своим действительным или потенциально возможным прототипам.

Лирический герой «Евгения Онегина» — главное лицо пушкинского романа в стихах — не только воплотил в себе неповторимый духовный облик самого поэта, но и явился обобщенным образом представителя целого поколения передовой дворянской интеллигенции 1820-х годов. Базаров соединил, в себе портретные, социальные, психологические, интеллектуальные черты многих людей, виденных Тургеневым: врачей, естествоиспытателей, литераторов — вплоть до Добролюбова и Чернышевского. Однако в общественное сознание 1860-х годов (и более позднего времени) он вошел как символическая фигура «нигилиста», демократа-разночинца, «реалиста». Горьковский Павел Власов масштабнее реальной личности большевика Петра Заломова, факты жизни которого использованы писателем в работе над повестью «Мать», — это обобщенный образ рабочего-революционера времен первой русской революции.

Фантастический главначпупс Победоносиков из пьесы Маяковского «Баня» по самой сути избранной художником гротескно-сатирической типизации не может иметь реальных прототипов. Однако обобщающие возможности этого образа, обличающего «комчванство» и бюрократизм как типические и социально опасные явления советской действительности в 1920-е годы, очень велики

Типизируя явления действительности (не только характеры людей, но и обстоятельства, поступки, целые события и процессы), писатель классифицирует различные факты жизни, сравнивает их, объединяет между собой. При этом художник сознательно подчеркивает, подчас преувеличивает одни особенности отобранных им явлений, опуская и затушевывая другие, и тем самым делает явления типическими. За счет художественной типизации писателю удастся выявить в современной ему общественной жизни и явлениях исторически удаленных от него, наиболее существенные, общественно значимые черты определить закономерности развития личности и общества, культуры и нравственности проникнуть в глубины человеческой души. Именно способность типизировать действительность, представлять картину мира в «свернутом», обобщенном виде позволяет искусству слова, как и некоторым другим видам искусства, быть для многих поколений людей «учебником жизни» (Чернышевский).

Первые художественно совершенные типы героев, как отметил Горький, появились еще в древнейшей мифологии и фольклоре. Геркулес и Прометей, Микула Селянинович и Святогор, доктор Фауст и Василиса Премудрая, Иван-дурак и Петрушка — в каждом из них запечатлен сгусток житейской мудрости и исторического опыта народа. По-своему были типичны герои античной и средневековой литературы, образы, созданные писате-

лями эпохи Возрождения — Боккаччо и Рабле, Шекспиром и Сервантесом — и просветителями — Дефо, Свифтом, Стерном, Вольтером и Дидро.

Рождение реализма привело к повышению роли типического в художественной литературе. По определению Энгельса, «реализм предполагает помимо правдивости деталей правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах».

Итак, по Энгельсу, своеобразие реалистической типизации проявляется в динамическом взаимодействии трех тесно связанных между собой элементов: 1) типичных обстоятельств, окружающих характеры и заставляющих их действовать; 2) типичных характеров, действующих под влиянием обстоятельств; 3) действий, совершаемых характерами под давлением обстоятельств и выявляющих, во-первых, степень типичности как характеров, так и обстоятельств, а во-вторых, способность данных характеров не только подчиняться данным обстоятельствам, но и частично изменять своими действиями эти обстоятельства.

Таким образом, типическое в реалистическом произведении раскрывается не в статике отношений неизменных характеров и обстоятельств, а в процессе их диалектического саморазвития, то есть в самом реалистическом сюжете.

Как отважно устремляются любимые толстовские герои — Пьер Безухов и Андрей Болконский, Наташа Ростова и Анна Каренина, Левин и Нехлюдов — навстречу обстоятельствам, подчас катастрофическим и гибельным для них! Как решительно вторгаются они своими действиями в размеренный ход событий, то ускоряя их, то замедляя, то пытаясь направить их в желательную для них сторону. А как дерзко искушают окружающие обстоятельства, а вместе с ними и собственную судьбу герои Достоевского — Раскольников, Мышкин, Аркадий Долгорукий, Ставрогин, братья Карамазовы! Кажется, еще немного — и эти обстоятельства, сами по себе непредсказуемые, сломаются, дрогнут, сокрушенные энергией действия, мысли и чувства неистовых в своих исканиях личностей. Но нерасторжимы узы, связывающие типичные характеры и типичные обстоятельства в реалистическом повествовании; не прекращается борьба между ними, и действия характеров в реалистическом сюжете поистине равны противодействию неумолимых обстоятельств.

Иное дело — романтическая типизация. Вспомним хитроумного, никогда не унывающего и преодолевающего любые трудности д'Артаньяна и таинственного, всемогущего графа Монте-Кристо; благородного и величественного в счастье и несчастье Жана Вальжана или разочарованного в мире лермонтовского Демона. Все это — исключительные характеры в исключительных обстоятельствах, своими действиями побеждающие любые обстоятельства.

В какой же мере можно говорить об отражении художниками-реалистами явлений необычных, уникальных? Разумеется, в той, насколько эти явления понимаются как внутренне закономерные, как потенциально развивающиеся, т. е. типичные, несмотря на свою единичность. Так, складывавшийся на рубеже 1850-х — 1860-х годов в России социальный тип революционера-разночинца, демократа шел на смену уходившему с исторической сцены «лишнему» человеку. Единичность нового героя русской действительности подчеркнули, каждый по-своему, Тургенев в Базарове (одинокая, трагически обреченная личность), Чернышевский в Рахметове («особенный человек»), Некрасов в Грише Доброклонове (которому судьба готовила кроме имени народного заступника «чахотку и Сибирь»). Взглянув с разных идейно-эстетических точек зрения на один и тот же социальный тип в момент его зарождения и становления, писатели-реалисты пришли к созданию различных художественных типов, каждый из которых отражал какую-либо закономерность объективного социально-исторического развития русского общества на переломном для него этапе.